

Г.С. Попова

ИБ РАН

Заметки о первом русском переводе *Шан-шу*

В начале 2014 г. российские читатели впервые получили возможность ознакомиться с полным переводом одного из важнейших письменных памятников Древнего Китая – *Шан-шу* (*Шу-цзин*), конфуцианского канона, входящего в «Пятиканоние» (*У-цзин*) и «Тринадцатиканоние» (*Ши-сань-цзин*) – произведения, являющегося важной частью китайской традиционной культуры [30]. В дополнение к полному переводу и примечаниям к нему переводчиком В.М. Майоровым и соавтором послесловия Л.В. Стеженской была проделана большая работа по систематизации имеющейся в историографии информации относительно происхождения и истории передачи памятника. Это даёт возможность оценить состояние изученности памятника, что, в свою очередь, позволяет поставить новые задачи в области его изучения.

Необходимо сразу сказать, что данное издание рассчитано на самую широкую аудиторию, а не на строго академическую. В.М. Майоровым его «перевод определяется как современный и стандартный», поскольку «ориентируется на понимание текстов „Шан-шу“ в Китае и на Тайване в самом конце XX и начале нынешнего века» [30, с. 7]. «Стандартность» перевода определяется использованием современных публикаций памятника. Установка на выполнение «стандартного» перевода заставила «исключить некоторые специализированные переводы, как правило, с уклоном в философию или историю» [30, с. 1049]. Переводчик сверил «три версии академических текстов, обнаружив в них совсем незначительные расхождения» [30, с. 9], указал отличающиеся иероглифы, после чего данный текст послужил оригиналом для перевода. При этом не ставилась задача всестороннего рассмотрения памятника с исторической или филологической точек зрения. В.М. Майоров стремился «отразить современное понимание

© Попова Г.С., 2014

„Чтимой книги“ наиболее широкой читательской аудиторией» [30, с. 1048]. Именно поэтому он посчитал важным представить «не столько собственную трактовку текста, сколько его общее и стандартное понимание в современном Китае и на Тайване» [30, с. 1048–1049]. Таким образом, ценность данной работы в основном является страноведческой.

На протяжении многих лет отечественными китаистами ведётся активная работа по переводу конфуцианской классики. За последние годы переведено и издано значительное количество канонических текстов: *Да-сюэ* («Великое учение», А.И. Кобзев), *Чжун-юн* («Средина и постоянство», Д. Конисси, В.Г. Буров, А.Е. Лукьянов, В.Б. Югай), пять из двенадцати глав *Чунь-цю Цзо-чжуани* («Комментарий Цзо к „Чунь-цю“», М.Ю. Ульянов), одна из одиннадцати глав *Чжоу-ли* («Установления [династии] Чжоу», С. Кучера), три из шестнадцати глав *Сяо-цзина* («Каноническая книга о сыновней почтительности», С. Кучера). Многократно переиздаются старые и выходят новые переводы *Лунь юя* («Беседы и суждения») Конфуция. Уже существуют переводы *Ши-цзина* («Книга песен», А.А. Штукин) и *И-цзина* («Книга перемен», Ю.К. Щуцкий [Б.Б. Виноградский, В.М. Яковлев, В.Е. Еремеев, А.Е. Лукьянов. – *Отв. ред.*]), идёт работа над исследованием и переводом *Ли-цзи* («Записи о ритуале», И.Б. Кейдун) и словаря *Эр-я* (Н.В. Гурьян) (см. также [23, с. 551–580]).

Таким образом, в распоряжении отечественных синологов в данный момент есть либо полные, либо частичные переводы восьми конфуцианских канонов, что открывает большие возможности для изучения традиционной культуры Китая. В ряду этих памятников *Шан-шу* занимает особое место, являясь одним из важнейших конфуцианских канонов. Кроме того, на протяжении всей истории Китая он играл весьма важную роль в политической жизни, являясь, с одной стороны, своеобразным учебным пособием по управлению, с другой – оправданием насильственной смены власти посредством механизма передачи «небесного повеления» [14].

Необходимо отметить, что данный памятник, несмотря на его огромную роль в китайской традиционной культуре, редко использовался отечественными синологами, именно в силу отсутствия русского перевода. Ранее были переведены отдельные главы *Шан-шу*, общее количество переведённого текста составляет всего около 30,0% [14], а «Малое предисловие»¹ вообще не переводилось на русский язык.

Поэтому вплоть до выхода в свет данной монографии в российской историографии имелись только краткие сведения о происхождении, истории передачи и месте памятника в китайской культуре [1; 2; 11; 12; 26–29]. Вследствие этого было практически невозможно

определить его ценность ни как канона, ни как исторического источника или литературного памятника. На частичную ликвидацию этого пробела в отечественной историографии были направлены наши статьи, посвящённые истории *Шан-шу* в I тыс. до н.э. [13–22]. Одна из них отражена в библиографии рецензируемой книги.

В свете этого появление первого в российской историографии полного перевода *Шан-шу* представляется весьма значимым событием, которое, несомненно, будет способствовать интенсификации изучения канона специалистами различных направлений синологии.

Издание имеет следующую структуру: предисловие [30, с. 3–13], перевод *Шан-шу* (его четырёх частей: «Юйские писания» – *Юй-шу*, «Сяские писания» – *Ся-шу*, «Шанские писания» – *Шан-шу*, «Чжоуские писания» – *Чжоу-шу*) и «Малого предисловия» [30, с. 18–545], примечания к переводу [30, с. 547–758], послесловие [30, с. 759–1043], заключение [30, с. 1044–1063], библиография [30, с. 1064–1091], список таблиц [30, с. 1092], список рисунков [30, с. 1092], список иллюстраций [30, с. 1093–1103], указатель географических названий [30, с. 1104–1112], указатель имён, титулов, названий династий и этнонимов [30, с. 1113–1129], summary [30, с. 1130–1138].

Предисловие

В предисловии В.М. Майоров, по-видимому, намеревался дать краткую характеристику памятника, однако в результате получился целый ряд довольно противоречивых высказываний. Рассмотрим некоторые из них.

Автор предисловия утверждает, что *Шан-шу* – это «каноническая книга конфуцианства», которая «представляет политическую и государственную доктрину конфуцианства» [30, с. 3]. *Шан-шу*, действительно, является одной из канонических книг, однако была создана задолго до возникновения конфуцианства, и потому едва ли может представлять его политическую и государственную доктрину. Высказывая это утверждение, автор никак его не комментирует, что может ввести читателя в заблуждение.

Далее: «„Шан-шу“ лежит в начале древнейшей письменной истории китайского народа, а самые ранние отклики на её записи и их толкования в древнекитайских исторических сочинениях датируются VIII в. до н.э. Уже тогда „Шан-шу“ рассматривалась в качестве исторического источника, собрания исторических документов, которые были записаны особыми служителями, чтобы сохранить память о современных им событиях» [30, с. 3]. Данный пассаж вызывает целый ряд вопросов. Во-первых, автор не называет ни одного письменного источника, датированного VIII в. до н.э., который содержит цитаты из

Шан-шу. Следовательно, его утверждение является безосновательным. По нашим предположениям, основная часть *Шан-шу* могла быть создана не ранее конца VIII – начала VII в. до н.э. [15; 17]; по мнению В.М. Крюкова, самые ранние из глав могли быть записаны только в VIII в. до н.э. [11, с. 322], поэтому ни о каких памятниках VIII в. до н.э., цитирующих *Шан-шу*, не может быть и речи, – их просто не существует. Во-вторых, утверждение, что тексты *Шан-шу* были записаны летописцами для сохранения современных им событий, абсолютно бездоказательно. Если исходить из предположения о синхронности событий и времени их записи, то главы *Шан-шу* должны чётко демонстрировать процесс эволюции письменного языка, что непременно проявляется в лексике и грамматике, однако проведённые нами исследования не выявили подобных различий в лексико-грамматическом составе глав [20]. Кроме того, *Шан-шу*, за исключением двух глав (*Юй-гун* и *Хун-фань*), содержит отнюдь не записи о событиях, а речи (или диалоги), якобы произнесённые по поводу определённых событий: исторических, легендарных и мифических. И последнее, памятник не содержит сведений об истории китайского народа: его основное содержание относится к области идеологии высшей власти и управлению государством [14].

Автор также говорит об имевшихся у китайских комментаторов ещё в начале нашей эры сомнениях в древности первых глав памятника (по-видимому, подразумеваются первые три раздела, о которых говорится ниже – «Юйские писания», «Сяские писания», «Шанские писания»), поэтому он согласен с мнением, что «первые три раздела „Шан-шу“ о наиболее древних этапах китайской истории представляют собой не исторический источник или исторический документ, а историописание, выполненное на основе или с привлечением исторических источников, а также и устных преданий» [30, с. 4]. Эта фраза также вызывает недоумение. Во-первых, «историописание» – термин, который может быть отнесён к весьма специфическим видам записей (хроники, летописи), но никак не к речам правителей, которые и составляют основной массив глав *Шан-шу*. Во-вторых, как могут первые два раздела, касающиеся исключительно мифических персонажей, являться историописанием, выполненным с привлечением исторических источников и устных преданий. В-третьих, если даже выдвигать предположение, что раздел «Шанские писания», касающийся предшествующего Западнему Чжоу государству Шан, мог быть выполнен с привлечением исторических источников и устных преданий, то подобное утверждение требует доказательств, которых мы не находим в авторском тексте.

Что касается глав «Чжоуских писаний», то, по словам автора, «часть из них могут быть историческими источниками», «по особенностям языка и в сопоставлении с синхронными эпиграфическими текстами написание таких глав можно отнести к XI в. до н.э. ... Остальные главы, судя по тем же признакам, были написаны позднее» [30, с. 4]. Здесь мы опять видим утверждения, не подкреплённые ни пояснениями, ни доказательствами. Если какие-то главы чжоуской части являются историческим источником, то почему автор не называет конкретные главы и конкретную историческую информацию, которую они содержат. Без этого данное утверждение бесосновательно. Говоря о сопоставлении чжоуских глав с синхронными эпиграфическими памятниками, В.М. Майоров без ссылок на какие-либо исследования в этой области опять же бесосновательно утверждает, что некоторые из этих глав могут быть датированы XI в. до н.э.

Касаясь влияния памятника на китайскую культуру, он говорит: «„Шан-шу“ до определённой степени сделала предков китайцев китайцами, т.е. научила их думать и чувствовать по-китайски, дала духовную основу китайской нравственности, заложила привычки общественной жизни» [30, с. 4]. Не подкреплённое объяснениями и конкретными примерами, это заявление также повисает в воздухе.

Переводчик утверждает, что памятник продолжает влиять и на современных китайцев, поскольку «реминисценции и отсылки к „Шан-шу“ широко представлены и в современной литературе, и в политических концепциях трансформируемого в настоящее время социализма с китайской спецификой» [30, с. 3, 4]. При этом никаких примеров отсылок к текстам *Шан-шу* ни в художественной, ни в научной литературе не приведено, описание примеров влияния текстов памятника на современные политические концепции также отсутствует. Далее, по мнению В.М. Майорова, *Шан-шу* «была и остаётся живой плотью китайской мысли благодаря её современному истолкованию», поскольку любые новые комментарии «затем уступали место более актуальному для новых времён объяснению её содержания» [30, с. 4]. По-видимому, он полагает, что содержание памятника можно каждый раз толковать по-новому в соответствии с необходимостью, диктуемой политической ситуацией. Далее сказано, что именно необходимостью создания единого варианта толкования *Шан-шу* объясняются гонения на памятник и его сожжение в 213 г. до н.э. при первом императоре Цинь Ши-хуане [30, с. 4].

Автор предисловия также отмечает сведения о трудностях, связанных с пониманием текстов *Шан-шу* ещё за несколько веков до н.э. В качестве возможных причин этого он указывает как смену начертаний иероглифов и их значений, так и «воздействие... человеческого

фактора», поскольку «не только первоначальный отбор текстов проводился с некоторой целью, которую трудно или невозможно теперь определить, но и сами эти тексты дошли до нас через руки бесчисленных переписчиков и толкователей» [30, с. 4, 5]. С этим утверждением сложно согласиться, поскольку отбор глав *Шан-шу* проводился с весьма определённой целью – доказать легитимность власти чжоуского правящего дома в сложившейся на момент создания памятника сложной для правителей политической обстановке [18]. В.М. Майоров считает, что говорить «о стабилизации текста “Шан-шу” можно... лишь начиная с середины VII в.» [30, с. 5], когда был составлен официальный текст «Пятиканония» под руководством Кун Ин-да (574–648 гг.), а в качестве канонического текста *Шан-шу* и комментария был взят вариант, приписывавшийся Кун Ань-го (156–74 гг. до н.э.). По его словам, именно этот текст после дальнейшей передачи вошёл в состав так называемого «Каменного канона» 837 г., который стал прототипом всех последующих изданий памятника, вплоть до современности [30, с. 6, 7].

Давая краткое описание перевода, автор говорит о том, что в китайском тексте им были сделаны отсылки к семи опубликованным полным западноевропейским переводам *Шан-шу* (согласно заключению, это нужно для «ясного распределения» [30, с. 1053], хотя необходимость проделанной работы, по нашему мнению, остаётся сомнительной). Это переводы на французский язык А. Гобиля 1770 г. и С. Куврёра 1897 г., на английский У. Медхёрста 1846 г., Дж. Легга 1865 г., У. Олда 1904 г., Б. Карлгрена 1950 г. Далее сказано, что текст перевода перемежается большим количеством иллюстраций из китайского издания 1905 г., сопровождающихся «краткими примечаниями, в которых поясняются текстовые надписи внутри рисунков» [30, с. 10], а также, что «русский текст глав написан в двух разных манерах перевода: одни главы даны в относительно современной прозе, другие излагаются речитативом с большим употреблением старинной русской лексики. Последнее относится к 25 главам, которые, согласно историческим свидетельствам, были включены в состав канонического текста „Шан-шу“ в начале IV в. н.э.» [30, с. 10]. Согласно заключению, это было сделано для выделения текстов этих глав [30, с. 1053].

Переводчик использовал «принятую в современных ссылках сплошную нумерацию 58 глав из двух чисел» [30, с. 11], по которой 25 глав позднего происхождения, не считающиеся подлинными, указываются цифрой 0 после дефиса². Также приводится информация относительно условных знаков в тексте, например, о выделении соответствующих параграфов в китайском оригинале и русском переводе, что «позволяет быстрее находить соответствия в древнекитайском и русском текстах» [30, с. 12], о примечаниях и т.д.

Говоря о предисловии в целом, необходимо отметить, что текст написан несколько сумбурно: с одной стороны, он содержит ряд безосновательных утверждений, которые, как можно видеть в дальнейшем, не всегда согласуются с содержанием послесловия, с другой – частично повторяет текст раздела *Данный перевод «Чтимой книги»*, содержащийся в Заключении.

Перевод

Передача названия *Шан-шу* словосочетанием «Чтимая книга» отражает как его иероглифический состав, так и отношение к этому тексту в китайском обществе и в поздней древности (когда начало использоваться данное наименование), и в средние века, и в наше время.

Перевод *Шан-шу* и «Малого предисловия» (*Шу-сюй*) сопровождаются 259 иллюстраций с краткими пояснениями, которые весьма познавательны, поскольку демонстрируют представления китайцев конца XIX в. о древних периодах Шан и Чжоу, а также мифологических персонажах. В.М. Майоров осознаёт, что данные иллюстрации имеют весьма условное отношение к описываемым в тексте историческим реалиям, о чём свидетельствует его примечание: «Китайский художник, иллюстрировавший данную главу, явно модернизировал мебель тех времён... на не известном древним китайцам стуле за не известным им высоким столом сидит главный хранитель записей» [30, с. 715].

На каждой странице перевод сопровождается китайским оригиналом, причем фрагменты обоих текстов пронумерованы для облегчения поиска соответствий. Также в оригинальном тексте, как уже указывалось, присутствуют отсылки на соответствующие фрагменты семи полных переводов на западноевропейские языки, с помощью которых, по словам автора, «читатель легко сможет определить номер соответствующего параграфа в других переводах и тем самым получить возможность использовать имеющиеся в них указатели» [30, с. 1053]. Отдавая должное кропотливой работе переводчика, надо сказать, что вышеперечисленные переводы на западноевропейские языки, равно как и сопровождающие их указатели, в настоящее время несколько утратили свою актуальность в свете исследований и археологических раскопок, проведённых в последние десятилетия.

Что касается выделенных в тексте оригинала разночтений, выявленных в ходе сверки текстов трёх изданий памятника, то всего автором было найдено 10 разночтений в каноне и одно в «Малом предисловии». Эти разночтения, вероятнее всего, являются следствием опечаток и не имеют серьёзного влияния на содержание текста в целом в силу их немногочисленности.

В качестве оригинала переводчик воспользовался не академическими изданиями: цинского Сунь Син-яня 孙星衍 *Ши-сань-цзин Цин-жэнь чжу-шу. Шан-шу цзинь-гу-вэнь чжу-шу* 十三经清人注疏. 尚书今古文注疏 «Тринадцатиканоние» с цинскими комментариями и толкованиями. Версии „Шан-шу“ *цзинь-вэнь* и *гу-вэнь* с комментариями и толкованиями» (Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1986) или Цзян Шань-го 蒋善国 *Шан-шу цзун-шу* 尚书综述 «Толкования к „Шан-шу“» (Шанхай: Гуцзи чубаньшэ 古籍出版社, 1988), а современными, которые «вышли накануне и в начале XXI в.»³.

При переводе трудных для понимания фрагментов автор, по его словам, либо следовал вариантам, предлагаемым китайскими комментаторами, либо, если не был согласен с ними, давал свой собственный вариант, учитывая «стиль и контекст разбираемого отрывка текста оригинала» [30, с. 1051, 1052].

Перевод выполнен достаточно близко к тексту китайского оригинала, однако его нельзя назвать буквально точным, поскольку 1) не всегда совпадает структура предложений, 2) вставляемые автором дополнительные слова не всегда заключаются в квадратные скобки, 3) не всегда точен перевод отдельных слов, по-видимому, вследствие слишком большого доверия китайским комментаторам, а также переводчикам *Шан-шу* на современный китайский язык.

Несмотря на некоторые погрешности перевода, можно признать, что он будет весьма полезен тем, кого интересует содержание памятника. Тем не менее, из-за наличия вышперечисленных неточностей те из читателей, которые захотят соотнести перевод с оригиналом, будут вынуждены прибегать к словарю. Разумеется, мы не можем ставить данные недостатки в вину переводчику, поскольку он ставил перед собой задачу познакомить читателей с содержанием памятника, а не выполнить перевод, идеально точный с филологической точки зрения.

Что касается переданных речитативом 25 глав версии *гу-вэнь*, то, с одной стороны, подобный перевод заслуживает отдельной высокой оценки за художественность, с другой – при подобном стиле перевода сложно сохранить целостность передачи определённых грамматических структур и чёткость передачи лексических единиц, поскольку порядок слов в предложении меняется для рифмовки. Например, порядок слов явно нарушен в предложении из главы 3.2 *Чжун-хуй чжи гао*: «И повеленье Неба, как драгоценность, сохрани навеки» *юн бао тянь мин* 永保天命 [30, с.155], которое в соответствии с оригинальным построением текста было бы точнее перевести следующим образом: «Вечно храни Небесное повеление».

При этом некоторые повторяющиеся в оригинале лексические единицы, не вписывающиеся в поэтизированный текст, не учитываются, а некоторые отсутствующие в оригинале, наоборот, добавляются без квадратных скобок. В качестве примера приведём фрагмент главы 4.1.3 *Тай ши*: «Залил он светом все четыре края, а просиял он в Западной земле» *гуан юй сы фан, сянь юй си ту* 光于四方，顯于西土 [30, с. 265], – перевод которого, строго говоря, должен быть частично заключён в скобки: «[Залил он] светом [все] четыре края, а просиял [он] в Западной земле»; и фрагмент из главы 1.3. *Да Юй мо*: «Лишь император [истинный так поступать] способен» *вэй ди ши кэ* 惟帝時克 [30, с. 62], при переводе которого не было учтено значение иероглифа *ши* 時.

Практически везде автор успешно избежал тенденции переводить политические и военные реалии, присутствующие в текстах *Шан-шу*, их европейскими аналогами, в отличие, например, от Дж. Легга. Тем не менее, перевод такого рода памятников требует знакомства с историческими реалиями, которые надо строго атрибутировать различными эпохами, понимая и учитывая их различия. Ведь содержащиеся в *Шан-шу* исторические реалии относятся как к Западному Чжоу (1027–771 гг. до н.э.), так и к Чунь-цю (771–453 гг. до н.э.). Отражающие их термины связаны с административным и военным аппаратом, религиозными представлениями, судебной системой и др. Поскольку они не воспринимались автором в качестве реалий конкретного периода истории древнего Китая, возникли некоторые неточности перевода.

В итоге ряд терминов как западночжоуского, так и восточночжоуского периодов требует уточнений и унификации. Например, *сы-кун* 司空 переведён как «министр землеустройства» [30, с. 267, 701, 708], «главный министр землеустройства» [30, с. 652], «управитель общественных работ» [30, с. 51, 559], «министр общественных работ» [30, с. 708]; *сы-ту* 司徒 – «министр народоустройства» [30, с. 267, 464, 701] и «министр научения» [30, с. 560]; *сы-ма* 司馬 – «министр войны» [30, с. 267, 464, 701]. Однако, например, термин *сы-ма* 司馬, неоднократно упоминающийся в западночжоуских надписях на бронзовых сосудах, едва ли стоит переводить с использованием слова «министр», особенно когда речь идёт о текстах чжоуской части, описывающих события Западного Чжоу, поэтому автор данных заметок, как и большинство историков, предпочитает транскрибировать подобную терминологию и затем пояснять её значение.

Также не всегда едина передача титула *гун* 公 – как правило, он транскрибируется, однако сочетанию *эр гун* 二公 на с. 309 дан перевод «два князя-гуна», на с. 317 – «два князя», а на с. 313 и с. 317 – «два гуна». То же самое явление мы можем наблюдать в примечаниях.

Кроме того, следуя традиционной трактовке канона, автор переводит термин *ди* 帝 в отношении мифических правителей Яо и Шуня как «император». В примечании он говорит, что встречающийся в *Шан-шу* иероглиф *ди* 帝 первоначально обозначал предков, которым поклонялись древние китайцы, а затем в конце III в. до н.э. вошёл в титул первого императора Китая [30, с. 547]. Проблема интерпретации данного термина сложна и требует отдельного исследования, наиболее оптимальным вариантом для переводчика могло бы стать употребление транскрипции с последующим объяснением в примечании.

Одновременно в тексте примечаний автор иногда именует мифических персонажей «императорами» [30, с. 565, 572, 574, 604], что может ввести читателя в заблуждение, представив мифических Яо и Шуня историческими персонажами. При этом сам автор признаёт, что археологических доказательств существования так называемой «династии Ся», якобы основанной мифическим Юем, пока не найдено [30, с. 573].

Примечания

Примечания к переводу выполнены с привлечением как исследовательской литературы (китайской, западноевропейской и российской), так и сведений из других китайских письменных памятников в основном I тыс. до н.э., таких как *Ши-цзи* («Исторические записки»), *Шань-хай цзин* («Канон гор и морей»), *Люй-ши чунь-цю* («Весны и осени господина Люя»), *Чжоу-ли* («Чжоуские ритуалы»), *Мэн-цзы* и др. При переводе спорных фрагментов текста автор в примечаниях приводит различные мнения китайских комментаторов.

В примечаниях читателю предоставлены объяснения многих исторических и культурных реалий древнего Китая, знание которых необходимо для понимания текста. В них также содержатся подробные описания терминов конфуцианской этики и философии, которые встречаются в памятнике, таких как «добродетель» (*дэ* 德), «путь» (*дао* 道), «ритуал» (*ли* 禮), «гуманность» (*жэнь* 仁), «справедливость» (*и* 義) и др.

В примечаниях также приводится информация о цитировании глав или фрагментов *Шан-шу* либо отсутствии такового в «Исторических записках» Сыма Цяня. Указывается, кем и когда был сделан ранее перевод отдельных глав на русский язык (единственная глава, более ранний перевод которой не указан автором – *И цзи*).

Примечания отличает некоторая поверхностность наблюдений и небрежность описаний. В качестве примера можно привести сведения об использовании раковин каури: по крайней мере в трёх примечаниях сообщается, что они функционировали в качестве денег в древнем Китае [30, с. 584, 622, 720], но без указания временных рамок

данного явления. Между тем, в монографии В.М. Крюкова «Текст и ритуал» сказано, в какой период имело место активное использование раковин каури: «Пожалования раковин каури – доминирующая тема ритуальных инскрипций Инь и раннего Западного Чжоу» [11, с. 314]). Указанная монография имеется в библиографии, и автор неоднократно ссылается на неё в других случаях.

Поверхностность примечаний проявляется также в описаниях мифических персонажей: автор использует сведения из более поздних, чем *Шан-шу*, памятников (*Мэн-цзы*, *Шань-хай цзин*, *Люй-ши чунь-цзо*, *Ши-цзи*) и не стремится к анализу более ранней информации мифологического характера. Иногда он прибегает к изложению информации, содержащейся в несравненно более поздних произведениях: говоря о персонаже шанского времени по имени И Инь, приводит сведения из труда средневекового литератора Чжун Сина (1574–1624) [30, с. 604, 605].

Лексические и грамматические особенности текста автором не рассматриваются, аналогии имеющейся в *Шан-шу* лексики с эпиграфическими памятниками не проводятся.

Одной из особенностей примечаний является эпизодическое использование устаревшей русской лексики, например, Юй назван основателем «баснословной китайской династии Ся» [30, с. 554], далее упомянуты «законоуложения Шуня» [30, с. 555].

Некоторые фрагменты примечаний весьма показательны положительным отношением автора к традиционной китайской модели древней истории: «Согласно баснословной хронологии, отец Се император Ку, правивший всей страной в период 2247–2217 гг. до н.э. (т.е. ещё до императора Яо, который согласно той же хронологии, правил в 2205–2163 гг. до н.э.), имел свою столицу в Бо. Там же основал новую столицу его далёкий потомок Чэн Тан» [30, с. 607]; местонахождение столицы Ся «предполагается в районе между югом совр. пров. Шаньси и западом пров. Хэнань» [30, с. 608]; «Чэн Тан... приносил в жертву чёрное животное в соответствии с традицией таких жертвоприношений в Ся» [30, с. 613]; «При Минтяо... была одержана победа над войском Ся» [30, с. 615]. Эти фрагменты являются ярким проявлением отсутствия чёткой границы между мифом и реальной историей, навязанного традиционной китайской историографией представителям отечественной синологии.

При чтении некоторых примечаний сложно объяснить позицию автора: например, употребление такого сочетания, как «империя Инь» [30, с. 630], или эпизодическое упоминание «последнего иньского императора Ди Синя» [30, с. 631] в противовес обычно используемому автором слову *ван* в отношении этого правителя. Неправомерность такого отношения очевидна, поскольку в памятнике

ни разу в отношении правителей Шан/Инь не был использован такой титул, как *ди* 帝, прилагавшийся к Яо и Шуню и условно переводимый автором как «император», в оригинале данный правитель Шан/Инь фигурирует как *ван* 王. Называть шанских *ванов* «императорами», а государство Шан/Инь – «империей» не более правомерно, чем применять термин «император Всероссийский» к князю Владимиру Мономаху, и «империя» – к Киевской Руси. Некоторые неточности наблюдаются с уже упомянутым титулом *гун*: например, сочетание Шао-гун переведено как «шаоский князь» [30, с. 675], Би-гун – как «князь Биский» [30, с. 713] по аналогии с западноевропейской системой титулов, использовавшейся ещё в переводе Дж. Легга.

Есть случаи, когда мнения китайских комментаторов подкреплены ссылками [30, с. 720]. Но чаще всего их нет. Например, в примечаниях часто встречаются только констатации: «китайские комментаторы сходятся во мнении...», «большинство китайских комментаторов считают...» [30, с. 697], «ниже приводится традиционная китайская комментаторская интерпретация...» [30, с. 699], «китайские комментаторы склонны видеть здесь...» [30, с. 703], «некоторые старые китайские комментаторы считали...» [30, с. 704], не подкреплённые указаниями на конкретные труды.

Послесловие

Послесловие, написанное В.М. Майоровым в соавторстве с дочерью Л.В. Стеженской, состоит из четырёх больших глав и, как указывает автор в предисловии, является «исследовательской частью» данной работы [30, с. 13].

На основе сведений из китайской (Ма Ши-юань, Чэн Юань-минь, Лю Ци-юй, Ван Го-вэй, Цзоу Хань-сюнь), западноевропейской (М. Найлан, Дж. Легг) и российской (Крюков М.В., Крюков В.М., Карапетьянц А.М., Вяткин Р.В.) историографии автор даёт обзор сведений об истории *Шан-шу* в доимперский период и описание истории передачи памятника в имперском Китае начиная со II в. до н.э.

Всё это составляет сильную сторону работы, однако мы вынуждены отметить основное противоречие: в исследовательской части отсутствуют акценты на исследовании памятника в качестве конфуцианского канона. То есть задача публикации перевода памятника явно не каноноведческая.

Первая глава **Научная проблема «Шан-шу»** разделена на две части: 1. **Введение**, 2. **Название «Шан-шу»** с подразделами *Древнекитайские записи «шу»*, *Книга «Шан-шу»* и *Две версии книги «Шан-шу»*.

Во **Введении** приводятся примеры противоречивого отношения к содержанию *Шан-шу*, существовавшего уже «на раннем этапе комментаторской традиции» [30, с. 760]. Как указывают авторы,

располагая на сегодняшний день данными археологического, эпиграфического и палеографического характера, «мы лучше предшественников понимаем текст древнекитайского памятника и лучше их знаем, как он сформировался и трансформировался. Однако ни о каком окончательном решении проблемы „Шан-шу“ не может быть и речи» [30, с. 761]. Для прояснения своей позиции авторы обращаются «к вопросам специфики китайского языка и китайской письменности» и поясняют ряд «трудностей, с которыми сталкивается современный читатель оригинального текста» [30, с. 761]. К ним, по их мнению, относятся: эволюция древнекитайского письменного языка на протяжении I тыс. до н.э., разбивка сплошного текста *Шан-шу* на предложения, многочисленные переписывания и трансформации текста при его передаче.

Авторы не исключают, что в памятнике «могут соседствовать куски, написанные (или переписанные) в различные исторические периоды», однако не приводят примеров такого соседства и никак не комментируют это утверждение [30, с. 765]. По-видимому, продолжая эту тему и говоря о датировке отдельных глав памятника, они приводят таблицу, подготовленную «на основе соответствующей таблицы американской исследовательницы Мишель Найлан», которая позволяет «только сказать, какие главы были составлены ранее, а какие позже, т.е. дать их относительную датировку» [30, с. 766]. При этом авторы не предлагают собственных вариантов датировок глав и ничего не говорят о возможных критериях датировки. Что касается датировки американской исследовательницы, затрагивающей только главы версии *цзинь-вэнь*, то необходимость её пересмотра не вызывает сомнений, поскольку она относит ко времени не ранее второй половины III в. до н.э. создание глав, цитаты из которых имеются в более ранних памятниках *Мо-цзы* (V–IV вв. до н.э.) и *Мэн-цзы* (IV–III вв. до н.э.) [19]. При этом авторы не упомянули результаты, полученные В.М. Крюковым при сравнении лексико-грамматических особенностей *Шан-шу* с западночжоускими и восточночжоускими надписями на бронзовых сосудах, которые являются полноценным аутентичным источником, что дало ему возможность датировать самые ранние из чжоуских глав периодом VIII–VII вв. до н.э. [11, с. 322]. Как уже упоминалось, его монография присутствует в библиографии.

Во второй части первой главы **Название «Шан-шу»**, в подразделе *Древнекитайские записи «шу»* поднята проблема перевода термина *шу* 書 в зависимости от контекста и пояснён принятый перевод названия памятника. Также рассмотрены различные виды и способы применения записей исторического характера в древнем

Китае, жанры текстов *Шан-шу*, «которые указываются в названиях большинства глав» [30, с. 773].

Далее приведены сведения о найденных при раскопках бамбуковых планках предположительно относящихся к V – началу IV в. до н.э. [30, с. 779] (*Годянь Чу-му чжу-цзянь*. Книги на бамбуковых планках из могильника [царства] Чу в Годяни. Пекин, 1998), в текстах которых наряду со «стихами» *ши* упоминаются «записи» *шу*, из рассмотрения контекста употребления которых сделан вывод, что *ши* и *шу* «отличаются друг от друга по признаку „художественная речь – обыденная речь“» [30, с. 783].

Авторы указывают, что найденные бамбуковые планки «имеют важное прикладное значение» для изучения *Шан-шу*, «так как в некоторых из них содержатся цитаты из синхронного тому времени текста этого письменного памятника» [30, с. 784]. К сожалению, не приведена ни одна из упомянутых цитат, поскольку «эти специальные вопросы должны оставаться за рамками данного послесловия», но при желании можно обратиться к монографии китайского историка Ма Ши-юаня, где они подробно освещены» [30, с. 784]. По-видимому, авторы имели в виду монографию Ма Ши-юаня *Чжоу Цинь Шан-шу-сюэ янь-цзю* «Исследования изучения „Шан-шу“ при Чжоу и Цинь» (Пекин, 2008), на которую неоднократно ссылаются ранее.

В заключение подраздела после обсуждения идейного содержания *Шан-шу* с точки зрения авторов одного из сочинений на бамбуковых планках неожиданно сделан вывод, что памятник «учит человека быть человеком общественным» [30, с. 785].

В подразделе *Книга «Шан-шу»* авторы говорят о различных трактовках иероглифа *шан* 𠄎, входящего в название памятника, и приходят к выводу, что в разные периоды истории Китая он понимался по-разному: в период Хань – как «древнейший», позже – как «высший» [30, с. 785]. В заключение сказано, что «известный восточноханьский канонист Чжэн Сюань (127–200) приписывал данное название Конфуцию, который якобы почитал „Шан-шу“ наравне с „небесной книгой“, но не в силу своих мистических воззрений, а потому что „уважал и ценил“ её», и что «эта трактовка преобладает и по сей день в сознании обычного китайца» [30, с. 786]. В данном случае неясно, наравне с какой именно конкретной книгой Конфуций почитал *Шан-шу*, также неясно, почему название «Шан-шу» приписывается Конфуцию. Общая сумбурность изложения заставляет сомневаться в необходимости включения в главу данного подраздела.

Третий, заключительный раздел первой главы *Две версии «Шан-шу»* посвящён ведущемуся уже почти две тысячи лет канонистическому спору о версиях памятника. Данная проблема обсуждается со

II в. до н.э., а «обе версии получили название от характера или стиля иероглифов, которыми они были написаны» [30, с. 786]. Еще Сюй Шэнь (ок. 58 – ок. 147) полагал, что это разделение связано с трансформацией различных стилей древнего почерка, в силу чего в период якобы имевшего место уничтожения канонов в 213 г. до н.э. спрятанные в стенах домов экземпляры книг были записаны «древним письмом» (*гу-вэнь*). По словам авторов, «большинство современных учёных, особенно китайских, согласны и объяснением, которое в свое время дал ... Ван Говэй (1877–1927 гг.): суть разделения состоит в написании одного и того же текста дореформенным (*гу-вэнь* 古文) и пореформенным (*цзинь-вэнь* 今文) письмом» [30, с. 786, 787].

Вкратце авторы формулируют проблему разделения так: после якобы имевшего место сожжения книг в 213 г. до н.э. (в чём они, по видимому, не сомневаются) в библиотеке следующей империи не оказалось экземпляра *Шан-шу* и на протяжении некоторого периода властям были предъявлены несколько сохранившихся экземпляров, одна неполная версия в «современных письменах» и другие в «древних письменах». В результате в начале IV в. н.э. двору была представлена версия в древних письменах из 58 глав, которая при Тан стала официальной и в итоге осталась единственной, поскольку остальные версии были утрачены. При этом «довольно рано появились сомнения» в тех главах, которых не было в кратком варианте «современных письмен». В итоге многовековых споров в XX в. возобладало мнение, «что 25 глав версии древних письмен являются подделкой» [30, с. 90].

Далее, «археологическая находка сочинения на бамбуковых планках из дренекитайского царства Чу, датируемых IV в. до н.э., которое имеет сходное заглавие и тот же состав, что и три главы „Повеление Юэ“ из числа добавленных 25 глав, также не подтвердила подлинности этой версии» [30, с. 790]. Таким образом, авторы не сомневаются в поддельности 25 глав версии *гу-вэнь*. При этом, полностью полагаясь на мнение китайских исследователей, они ни разу не попытались проверить их высказывания, провести сравнительный анализ найденных текстов с главами *Шан-шу* и представить своё собственное мнение.

Глава 2 **История текста «Шан-шу»** является самой содержательной в исследовательской части и включает в себя два больших раздела: **«Шан-шу» в доимперской древности** и **«Шан-шу» в императорском Китае**.

Её первый раздел предваряется фразой: «Традиционно считалось, что в глубокой древности было очень много записей-*шу*, и лишь только часть из них дошла до потомков» [30, с. 791], – которая по

стилю похожа на ничем не подкреплённые утверждения неких китайских комментаторов, на мнение которых столь часто ссылаются авторы в примечаниях. Во-первых, остаётся неясным, входят ли упомянутые древние записи-шу в состав дошедшей до нас версии *Шан-шу*. Во-вторых, не поставлена проблема существования и использования записей-шу в предшествующий формированию текста *Шан-шу* период, хотя информация о подобных записях, действительно, имеется в древнекитайских памятниках. По нашему мнению, помочь решить эту проблему может исследование надписей на бронзовых сосудах периода Западного Чжоу, поскольку сведения о записях-шу, содержащиеся как в *Шан-шу*, так и в других памятниках (например, *Чунь-цю Цзо-чжуань*) [24], дают только часть информации по этой проблеме.

Первый раздел второй главы состоит из следующих подразделов: *Моистская традиция*, *Конфуцианская традиция*, *Современная научная трактовка проблемы доимперской «Шан-шу»* (в неё входят «*Шан-шу*» и *неканонические тексты «Шу»*, *Чуские записи на бамбуковых планках университета «Цинхуа»*).

В подразделе *Моистская традиция* указано, что в *Мо-цзы* «ссылки на древнюю „Шу“ встречаются значительно чаще, чем в других сочинениях этого периода» [30, с. 791], однако без пояснения, что тут, скорее всего, подразумевается *Шан-шу*. Также утверждается, что количество «сохранившихся и уже утраченных» упоминаемых глав составляет 22 [30, с. 791], однако без указания названий глав и источника информации. На основании этого сделан вывод, «что в конце исторического периода Чунь-цю (722–481 до н.э.) и в начале периода Чжань-го (475–221 до н.э.) существовали „Шу“ различной „комплектации“, среди которых явно выделяются традиции главных соперничавших учений того времени: моистов и конфуцианцев» [30, с. 791]. Однако далее авторы никак не комментируют это заявление и не уточняют, какие различия могли быть между «комплектациями» текстов, использовавшимися конфуцианцами и моистами. Также остаётся неясным, были ли эти «комплектации» прототипом современного текста *Шан-шу*, либо совершенно другими записями.

Какова же в действительности ситуация с цитированием фрагментов *Шан-шу* в *Мо-цзы*? Проведённые нами исследования показали следующее:

- 1) В *Мо-цзы* имеются отрывки из 12 существующих в настоящее время глав *Шан-шу*.
- 2) Количество отрывков, которые не удаётся идентифицировать, незначительно, а некоторые из них, по-видимому, не могут быть частью *Шан-шу* вследствие несхожести лексического и

грамматического состава. Кроме того, упоминаются названия глав, не числящихся в современном составе *Шан-шу*, однако они приведены без цитат, поэтому мы не можем чётко оценить эту информацию.

3) Всего в тексте упомянуты три современных названия глав *Шан-шу*.

4) Неточность *Мо-цзы* в цитировании названий глав *Шан-шу* очевидна: отрывки из главы 1.3 *Да Юй мо* дважды приводятся под различными названиями (*Шу лин* 術令 и *Цзун дэ* 總德), цитата из главы 2.2 *Гань ши* приведена под названием *Юй ши* 禹誓, из главы 3.3 *Тан гао* – под названием *Тан ши* 湯誓, из главы 3.4 *И сюнь* – под названием *Гуань син* 官刑, из главы 3.8 *Юэ мин* – под названием *Сянь нянь* 相年, а под названием *Чжов ши* 周詩 приведена цитата, составленная из фрагмента главы 4.4 *Хун фань* и отрывка стиха из *Ши-цзина*.

Качество цитирования фрагментов *Шан-шу* в *Мо-цзы* достаточно высокое. Разночтения в названиях самих глав можно отнести как к погрешности, допущенной автором *Мо-цзы* или переписчиком (в названии главы *Тай ши* не всегда единообразно написание первого иероглифа), так и к возможности существования различных названий одной и той же главы (см. [19]).

Далее сказано, «что *Мо-цзы* пользовался некими вариантами текстов, входящих (или уже утраченных) в „*Шан-шу*“, а «записи династий Шан и Ся... в целом могут быть идентифицированы с нынешними главами „Чтимой книги“» [30, с. 793]. Отмечено включение «Яо и Шуня в эпоху династии Ся» [30, с. 794], что, по-видимому, действительно, имело место, поскольку главы современного первого раздела цитируются в других памятниках (*Чунь-цю Цзо-чжуань*, *Люй-ши чунь-цю*) как часть *Ся шу*, а первое упоминание раздела *Юй шу* встречается только начиная с Сыма Цяня (см. [19]).

Во втором подразделе *Конфуцианская традиция* говорится о противоречиях, имеющих в традиционной конфуцианской версии происхождения текстов *Шан-шу* и «Малого предисловия», их структуры до и после предполагаемой редакции Конфуция, а также деталях дискуссий по этим вопросам между исследователями и комментаторами. Несмотря на разнообразие приводимых мнений и сведений, остаётся неясным, какие проблемы авторы хотели поставить и решить в данном подразделе.

В третьем подразделе *Современная научная трактовка проблемы доимперской «Шан-шу»* описаны результаты исследований современных китайских ученых Лю Ци-юя (род. 1917) и Ма Ши-юаня (род. 1970). Лю Ци-юй занимался исследованием цитирования

фрагментов *Шан-шу* в 20 доциньских сочинениях, в результате чего якобы обнаружил существенное превалирование цитирования глав версии *цзинь-вэнь* по отношению к фрагментам версии *гу-вэнь* – из ссылок на 19 глав к версии *цзинь-вэнь* относится 15, к версии *гу-вэнь* – 4. В итоге он сделал вывод, что «цитирование этих четырёх глав не должно нас вводить в заблуждение, потому что существующие ныне тексты этих глав были подделаны в начале IV в., а их авторы учли указанные в таблице восемь случаев цитирования и вставили соответствующие фразы в свою подделку» [30, с. 807].

Однако анализ цитат в крупнейших памятниках второй половины I тыс. до н.э. позволяет утверждать, что упомянуты названия по меньшей мере пяти глав версии *гу-вэнь* (3.5 *Тай цзя*, 3.8 *Юэ мин*, 4.1 *Тай ши*, 4.21 *Цзюньчэнь*, 4.25 *Цзюнь я*), и это не считая цитат из глав версии *гу-вэнь* под другими названиями либо со ссылкой на *шу*. Всего нами обнаружены фрагменты 17 цитируемых глав версии *гу-вэнь* в доциньских памятниках, причём мы не брали весь спектр памятников, исследованных Лю Ци-юем [19].

Поскольку многие цитаты из этих глав приведены без указания на конкретную главу или даже раздел *Шан-шу*, можно смело говорить о том, что предположение китайского автора о подделке цитат из глав версии *гу-вэнь* не выдерживает никакой критики. К тому же они могут быть настолько сильно искажены, что найти их затруднительно, и точно такие же затруднения встретил бы любой, кто захотел их подделать. Если бы они были подделаны в IV в. н.э., то, несомненно, гораздо больше совпадали бы с современным вариантом *Шан-шу*. Что касается цитат из неизвестных Лю Ци-юю глав, то эта сложность может быть частично объяснена существованием различных вариантов названий глав, что особенно заметно в *Мо-цзы*. Количество не найденных нами цитат невелико, а лексический и грамматический состав некоторых из них позволяет предположить, что цитировавшие их авторы были либо плохо знакомы с текстом *Шан-шу* (это особенно заметно в произведениях, составленных приверженцами легизма), либо цитировали под его именем какой-то другой текст (это чаще встречается в *Мо-цзы*, где со ссылкой на «записи прежних ванов» *сянь ван чжи шу* 先王之書 цитируется как *Шан-шу*, так и *Ши-цзин*). Что касается выводов Лю Ци-юя, то они нуждаются в проверке и проведении дополнительных исследований.

Ма Ши-юань «указал на то, что включение Лю Ци-юем некоторых материалов в качестве цитат из „Шу“ и ссылок на неё неправомерно, так как они по своему характеру не соответствуют типу „записей“, и представил результаты своих собственных разысканий» [30, с. 811]. Он выяснил, «что оригинальные тексты V–III вв. до н.э.

несколько отличаются от нынешних считающихся подлинными и надёжными текстов версии современных письмен» [30, с. 811], а также поставил под сомнение мнение о поддельности глав версии *гу-вэнь*. На этом фоне несколько странным выглядит его вывод о цитировании главы *Тай ши* в *Го-юй* («Речи царств») якобы в 774 г. до н.э. [30, с. 812], поскольку *Го-юй* был создан в период Чжань-го (453–221 до н.э.), а цитата в нём может быть соотнесена с любой датой..

Результаты сравнения обоими авторами глав *Шан-шу* и текстов *И Чжоу-шу* («Утраченные записи Чжоу») никак нельзя назвать полноценными, тем более что датировка последнего памятника на данный момент является спорной. Выводы же из сравнений *Шан-шу* и чужих записей на бамбуковых планках Университета Цинхуа можно назвать преждевременными.

Пересказанные авторами результаты исследований китайских учёных показывают, что мы должны более строго относиться к китайской историографии, которая может находиться под влиянием комментаторской традиции. Нельзя сказать, что приведённые сведения по проблеме существования доимперской версии *Шан-шу* являются исчерпывающими, что подтверждает необходимость проведения дальнейших исследований в этой области. Некоторые сведения о цитировании *Шан-шу* в доханьских памятниках имеются в нашей статье 2014 г. [19].

Второй раздел «**Шан-шу**» в императорском Китае содержит весьма обширные сведения о бытовании памятника в императорском Китае. Опираясь на сведения из *Ши-цзи*, описана история конфуцианства в империи Цинь, сопоставлены противоречивые сведения об уничтожении памятника и сделан вывод, «что устранение книг „Ши“ и „Шу“ было в какой-то степени вызвано расколом внутри самого конфуцианского учения» [30, с. 822]. Его нельзя считать удовлетворительным, поскольку рассматривались сведения только одного источника – «Исторических записок» Сыма Цяня. Ранее же, в **Предисловии** указывалось, что сожжение книг было продиктовано необходимостью «прекратить их произвольное толкование» [30, с. 5]. Таким образом, здесь мы сталкиваемся с очередным противоречием.

Описание истории *Шан-шу* в Западной Хань (206 до н.э. – 6 н.э.) в основном посвящено разделению памятника на две версии: «современных письмен» (*цзинь-вэнь*) и «древних письмен» (*гу-вэнь*). Хотя эти понятия уже использовались неоднократно, подробно их происхождение рассматривается только в этом разделе. Автор излагает все мнения, существующие в традиционном китайском канонведении с приведением информации, содержащейся в письменных

памятниках этого времени. Эти данные подробны и, несомненно, интересны, однако отношение авторов к традиционному канонведению не критично, в силу чего они не сомневаются в «поддельности» 25 глав *гу-вэнь*, хотя эта проблема ещё далека от решения.

Впервые в российской историографии рассмотрены различные взгляды на происхождение «Стоглавого предисловия» (другие названия «Малое предисловие», «Предисловие Конфуция»), «которое по сути является аннотированным содержанием, по своему строению и стилю весьма близко послесловиям исторических и других относительно больших трудов периода Хань» [30, с. 833]. Несмотря на разнообразие предположений, вопрос о происхождении этих текстов остается открытым, а авторы не предлагают своей версии, ограничиваясь перечислением взглядов китайских учёных.

Далее приведены сведения о трёх школах *Шан-шу* «в современных письменах»: Оуяна (основатель Оуян Жун), Старшего Сяхоу (основатель Сяхоу Шэн), Младшего Сяхоу (основатель Сяхоу Цзянь) и развитии комментирования *Шан-шу*. Рассмотрены проблема состава западноханьской версии *Шан-шу* по имеющейся в письменных памятниках информации и различные варианты пофразовой разбивки текста у представителей различных школ. Несмотря на краткость информации, она ценна тем, что появляется впервые в российской историографии.

Излагая историю *Шан-шу* при Восточной Хань (25–220), авторы уделили внимание следующим аспектам: росту популярности учения «древних письмен» при дворе, созданию официального единого толкования канона на совещании учёных и сановников в 79 г., известном как «Дискуссия в зале Белого Тигра», состоянию школы «современных письмен» в этот период, расцвету апокрифической литературы, сравнению текстов всех школ *Шан-шу* и их унификации (созданию и установке в 175 г. стел с выбитыми на них текстами канонов).

Далее авторы описали историю *Шан-шу* в III–X вв., обратив внимание на следующие основные моменты: установку в 241 г. стел с текстами *Шан-шу*, создание новых комментариев, появление в период Восточной Цзинь (317–420) версии *Шан-шу* с комментариями Кун Ань-го, «с которой мы имеем дело и в наши дни» [30, с. 889], составление «Пятиканония в истинном толковании» (*У-цзин чжэнь-и*), которое в 653 г. было объявлено официальным собранием конфуцианских канонов. Приведена таблица набора глав в трёх ханьских версиях и в современной версии *Шан-шу*. Затронуты организация текста в *Шан-шу чжэнь и* и комментарий, составленный под руководством Кун Ин-да, а также вопросы письменного стиля канонического текста. При изложении истории *Шан-шу* в этот период авторы опирались на

«династийные истории» и результаты изысканий китайских канонистов. Несмотря на обилие приводимой информации, повествование несколько хаотично,

Последние два раздела посвящены печатным изданиям *Шан-шу* в X – первой половине XX в. и второй половине XX – начале XXI в. Они содержат сведения об официальных ксилографах и их использовании в учебных заведениях имперского Китая, а также о прототипах оригинала данного издания. Предоставленная информация достаточно подробно и является частью истории передачи памятника.

Вторая глава весьма познавательна, поскольку большая часть изложенного в ней впервые публикуется на русском языке. Однако она не исчерпывает темы, отличается несистемностью и отрывочностью изложения, а также некритичным отношением к китайской комментаторской традиции.

Глава 3 **Комментарии к «Шан-шу»** состоит из разделов: «Ханьское учение» и «сунское учение», Официальные комментарии эпохи Сун (X–XIII вв.), Комментаторская традиция Чжу Си, Неоконфуцианский комментарий Цай Чэня (включает в себя подраздел *Официальный «Сводный комментарий» (ци чжуань) Цай Чэня и другие комментарии XIV – нач. XX в.)*, Иллюстрированная «Шан-шу» (включает в себя подраздел *Иллюстрации в данном издании*). В этой главе подробно изложены сведения о ряде китайских комментариев, поскольку «некоторые из них нашли применение в работе... европейских и российских переводчиков „Чтимой книги“» [30, с. 952]. Таким образом, в ней освещена комментаторская традиция X–XX вв. Тут выделяется последний раздел, поскольку из его включения в данную главу можно сделать вывод, что иллюстрации, призванные сделать текст доступным для понимания женщинами и детьми [30, с. 993], относятся к комментаторской традиции.

В первом разделе **«Ханьское учение» и «сунское учение»** в общих чертах обрисована разница между двумя комментаторскими традициями. В частности, говорится, что «сунское учение» не является учением периода Сун (960–1279), но неоконфуцианством, создание которой завершил Чжу Си (1130–1200) [30, с. 954–955]. Официальный статус оно обрело в периоды Юань (1279–1368), Мин (1368–1644) и Цин (1645–1911) [30, с. 955]. Несмотря на присутствие в заглавии термина «ханьское учение», чёткой его характеристики в данном разделе нет, а имеющиеся разрозненные упоминания, например: «„ханьское учение“... было сильно своей текстологией, но уступало „сунскому учению“ в „доктринальности“» [30, с. 953], не проясняют его сути. В предыдущих разделах о передаче и комментировании *Шан-шу* в период Хань термин «ханьское учение» не употреблялся,

поэтому прояснить его значение, исходя из авторского текста, не представляется возможным.

Второй раздел **Официальные комментарии эпохи Сун (X–XIII вв.)** является описанием истории экзаменационной системы, в составе которой использовалась *Шан-шу*, а также создания новых комментариев к памятнику. В частности, говорится, что в империи Сун «сложилась трёхслойная структура комментария к „Шан-шу“». В целом, положение первичного комментария Кун Ань-го и вторичного комментария Кун Ин-да оставалось стабильным. Но к ним начали добавляться третичные комментарии сунских авторов, которые были более актуальными и на уровне которых наблюдалась острая идеологическая и политическая борьба» [30, с. 956]. В числе новых комментариев упомянут комментарий Ван Ань-ши (1021–1086), не сохранившийся до наших дней. Некоторое время он имел статус официального, однако впоследствии утратил его и был уравнен «в положении с другими третичными комментариями» [30, с. 960]. Чэн И (1033–1107) «кратко изложил доктрину неоконфуцианского учения» [30, с. 961], однако его «Толкования к „Шан-шу“» также не сохранились. По-видимому, это были наиболее авторитетные авторы данного периода, но в целом «наследие сунского конфуцианства насчитывает более 400 работ» [30, с. 964], «интеллектуальный пейзаж... был представлен большим числом соперничавших школ и направлений» [30, с. 964, 965], поскольку «само учение неоконфуцианства в то время только формировалось» [30, с. 965].

После обсуждения комментариев империи Сун авторы перешли к разделу **Комментаторская традиция Чжу Си**, продолжающему предыдущий, поскольку именно работы Чжу Си «легли в основание учения неоконфуцианства» [30, с. 965]. Несмотря на то, что Чжу Си не оставил авторского комментария к *Шан-шу*, в собрании его сочинений содержатся различные замечания «о характере „Чтимой книги“ и принципах её комментирования» [30, с. 966]. Кратко описано содержание этих замечаний, в частности, мнение Чжу Си о составе и характере глав *Шан-шу*, причинах трудностей в понимании отдельных глав. Упомянуто, что Чжу Си «применил деление глав „Шан-шу“ по принципу „ханьских конфуцианцев“», который авторы охарактеризовали как некорректный, но который был «воспринят учёными последующих эпох и продолжает использоваться в настоящее время» [30, с. 968]. По-видимому, Чжу Си не считал дополнительные 25 глав *гу-вэнь* подделкой, поскольку приведено его высказывание, что, сомневаясь в этих главах, можно не доверять остальным канонам [30, с. 972]. Тем не менее, он разделял традиционное мнение о редакции Конфуцием памятника [30, с. 973] и

предполагал, что «Предисловие» и комментарии Кун Ань-го должны относиться к эпохе Тан. «Малое предисловие» Чжу Си датировал периодом Цинь (конец III в. до н.э.) [30, с. 969–970].

Следующий раздел **Неоконфуцианский комментарий Цай Чэня** посвящён комментарию, созданному под руководством Чжу Си его учеником Цай Чэнем (1167–1230/1232) и изданному в 1230 г. С начала XIV в. и до отмены экзаменационной системы этот неоконфуцианский комментарий «оставался официальным, а зачастую и единственным комментарием к „Шан-шу“», использовавшимся на экзаменах [30, с. 975]. Он неоднократно привлекался при переводах *Шан-шу* на европейские языки и «продолжает пользоваться высоким авторитетом у современных исследователей „Чтимой книги“» [30, с. 976]. Упомянуты результаты современных исследований этого комментария. В подразделе *Официальный «Сводный комментарий» (цзи чжуань) Цай Чэня и другие комментарии XIV – нач. XX в.* описана дальнейшая судьба комментария Цай Чэня, использование в экзаменационной системе и его критика. Подробно рассказано о других комментариях, использовавшихся наравне с комментарием Цай Чэня [30, с. 985], о канонических спорах [30, с. 986], критических работах. Особое внимание уделено процессу обучения императора Кан-си (1654–1722), его мнению о *Шан-шу* и влиянию содержащихся в нём сведений на политику этого правителя, а также комментарий к памятнику, составленному по его приказу.

Заключительный раздел **Иллюстрированная «Шан-шу»** содержит сведения о различных известных иллюстрированных комментариях к памятнику, о которых «известно из библиографических описаний времён династии Сун» [30, с. 992], а также об иллюстрациях, вошедших в данное издание.

Поскольку авторы впервые в отечественной синологии рассмотрели историю комментирования *Шан-шу* в средневековом Китае, приведённая ими информация имеет большое значение для дальнейшего исследования этой комментаторской традиции. Тем не менее нельзя сказать, что авторы системно подошли к излагаемым проблемам, очень многие аспекты описаны фрагментарно.

В главе 4 **Переводы «Шу цзина» на европейские языки** подробно рассмотрена история переводов памятника на западноевропейские языки начиная с фрагментарных переводов XVI–XVIII вв. и заканчивая полными переводами XVIII–XX вв. Эта глава, по сути, является первым в российской историографии полным обзором западноевропейских переводов *Шан-шу*, последний из которых был выполнен Б. Карлгреном в 1950 г.

В открывающем главу разделе **Ранние неполные переводы XVI–XVIII вв.** рассмотрены первые попытки перевода фрагментов (а иногда даже пересказов и отдельных цитат) *Шан-шу* европейскими миссионерами, приведены биографии переводчиков, затронуты вопросы, связанные с началом торговых и дипломатических отношений Европы с Китаем. Отмечены работы следующих миссионеров: испанца Хуана Кобо (ум. в 1592), в переводе которого одной из китайских книг имеется пять цитат из *Шан-шу* (из глав *Да Юй мо*, *И сюнь*, *Юэ мин*, *Люй ао*, *Чжоу гуань*); итальянца Мартино Мартини (1614–1661), пересказавшего некоторые главы, переведшего отрывки из четырёх глав (*У цзы чжи гэ*, *Сянь ю и дэ*, *Юэ мин*, *Цзю гао*) и на основании сведений из *Шан-шу* составившего хронологию древнекитайских правителей; португальца Габриэля де Магальяеша (1610–1677), давшего краткое описание *Шан-шу*; француза Филиппа Купле (1622/1623–1693), скорректировавшего и продолжившего хронологию М. Мартини, сделавшего обзор *Шан-шу*, однако её не переведшего, а пересказавшего комментарий и единожды процитировавшего *Шан-шу* с сокращением (глава *Да Юй мо*); валлона Франсуа Ноэля (1651–1729), не занимавшегося переводом *Шан-шу*, но много раз упоминавшего его название и персонажей, приведшего ту же цитату, что и Ф. Купле. Далее описан фигурализм, один из сторонников которого, Жозеф де Премар (1666–1736), перевёл отрывки из трёх глав (*Да Юй мо*, *Гао Яо мо*, *И цзи*), полностью главу *Чжунхуй чжи гао*, большую часть главы *Сянь ю и дэ*, с сокращениями и под другим названием главу *Юэ мин*. В заключение сказано о цитатах из *Шан-шу* в составе переведённого Жозефом де Майя (1669–1748) неоконфуцианского исторического свода «Всеобщее зеркало, управлению помогающее...» (*Цзы-чжи тун-цзянь ган-му*).

Во втором разделе **Европейские переводы «Чтимой книги» XVIII–XX вв.** упомянут, возможно, первый полный перевод французского миссионера М. Бенуа (1715–1774), предположительно отпечатанный в Пекине в 1755 г. Подробно описаны последующие полные переводы *Шан-шу* на западноевропейские языки, отсылки на которые можно найти в китайском оригинале в данном издании: А. Гобиля (1689–1759), не включившего в перевод предисловие Кун Ань-го и «Малое предисловие»; У. Медхёрста (1796–1857), опиравшегося на комментарии Цай Чэня, переведшего его «Предисловие комментатора», давшего в приложении хронологию и статью о китайской астрономии; Дж. Легга (1815–1897), сделавшего перевод, который «до сих пор остаётся наиболее авторитетным и наиболее цитируемым в иностранных работах по Китаю» [30, с. 1027], включившего в него «Малое предисловие» и в предисловии давшего

оценку переводам Гобиля и Медхёрста, «впервые для европейского читателя достаточно полно и чётко рассказавшего об исторических перипетиях текста „Чтимой книги“ и показавшего суть спора сторонников школ „современных“ и „древних“ письмен» [30, с. 1033], а также использовавшего впечатляющее количество работ как на китайском, так и на западноевропейских языках; С. Куврёра (1835–1919), в качестве источника использовавшего основанный на комментарии Цай Чэня официальный цинский «„Канон записей“ с комментариями ...» (*Шу цзин чжуань шо хуй цзуань*) и осуществившего перевод, который стал классическим для французской синологии [30, с. 1035], и в котором была «значительно лучше представлена специфика древнекитайского сознания и соответствующего ему текста оригинала, а в комментариях отсутствует характерное для его предшественников-иезуитов стремление отождествлять понятия древнекитайской и христианской традиций» [30, с. 1036]; У. Олда (1864–1929), получившего нелицеприятную оценку: «едва ли найдётся вторая такая книга с таким множеством ошибок» [30, с. 1038], поскольку его работа была пересказом перевода Медхёрста 1946 г.; Б. Карлгрена (1889–1978), в чьём переводе были использованы только главы *цзинь-вэнь*, поскольку он ориентировался на работы «позднецинских учёных, критически настроенных к текстам „древних письмен“» [30, с. 1040]. Приведены сведения о биографиях переводчиков, процессе их работы, разметке частей и глав, их выводах о происхождении, передаче и подлинности текстов, о степени точности каждого из переводов и влиянии на них китайских комментариев, а также о влиянии самих переводов на развитие европейской синологии. Описание истории переводов *Шан-шу* достаточно подробно и представляет немалый интерес. Кроме того, на с. 1055–1063 размещена таблица, демонстрирующая распределение материала в переводах *Шан-шу* на европейские языки.

В последнем разделе **Заключение. Русские переводы «Чтимой книги»** дано подробное описание всех известных в отечественной синологии переводов отдельных глав *Шан-шу* начиная с цитат из неё в переводе Д.И. Фонвизинным (1745–1792) *Да-сюэ* с французского перевода. Первый русский перевод целой главы (*Тан ши*) был сделан А.Г. Владыкиным (1761–1811). Не опубликованы полные переводы Н.Я. Бичурина (1777–1853) и Д.П. Сивиллова (1798–1871). В монографии С.М. Георгиевского (1851–1893) *Шан-шу* рассматривалась в качестве исторического источника, вследствие чего им были переведены или пересказаны значительные фрагменты памятника. В данном разделе не указаны более поздние переводы на русский язык отдельных глав *Шан-шу*, но информация о них отражена

в примечаниях к этим главам, где даны только отсылки к соответствующим изданиям без оценки их качества и значения.

Отдельно и подробно в разделе **Данный перевод «Чтимой книги»** рассказано об изданиях, использованных при работе над переводом В.М. Майорова, о принципах и целях, в соответствии с которыми он был выполнен, структуре книги, системе нумерации глав.

Выводы

Итак, в капитальной книге из 1150 с. представлены результаты длительной и масштабной работы В.М. Майорова и Л.В. Стеженской как над переводом текста, так и над описанием истории его возникновения и последующей передачи. Подобно любой столь объёмной работе, она имеет свои сильные и слабые стороны. К числу первых следует отнести введение в оборот отечественной синологии полного перевода не только *Шан-шу*, но и «Малого предисловия», вопрос о существовании которого до этого момента отечественными исследователями вообще не рассматривался. Также впервые в российской историографии описаны результаты исследований и систематизации имеющихся как в западноевропейской, так и в китайской научной литературе сведений о памятнике на протяжении всей истории его существования. Достаточно подробный историографический обзор переводов *Шан-шу* на западноевропейские языки, возможно, является исчерпывающим. К слабым сторонам работы можно отнести некоторую несистемность в изложении материала, нередкое отсутствие у авторов собственного мнения по обсуждаемым проблемам и попыток самостоятельного исследования слабо разработанных вопросов происхождения *Шан-шу*, слишком сильное доверие традиционному китайскому комментированию и переводу памятника, не всегда оправданное предпочтение западноевропейской и китайской историографии перед отечественной. Тем не менее нельзя не признать, что вклад авторов в отечественную синологию достаточно велик, поскольку представленный перевод будет полезен всем, кто интересуется содержанием *Шан-шу*, а историографический обзор позволит поставить новые задачи в исследовании памятника.

Примечания

¹ Вопрос о происхождении «Малого предисловия», набора кратких текстов, предваряющих некоторые из глав памятника, в настоящее время остаётся открытым. Первые упоминания этих текстов фиксируются начиная с I в. до н.э., впервые в «Исторических записках» (*Ши-цзи*) Сыма Цяня. Комментаторы начиная с I в. н.э. приписывали его Конфуцию, что маловероятно. Вплоть до настоящего времени надёжных сведений либо предположений о его происхождении нет [30, с. 833]. По версии Лю Цюня оно якобы было

составлено Чжан Ба (конец I в. до н.э.) на основе «Исторических записок» и «Комментария Цзо к Чунь-цю» [30, с. 831].

² Разделение глав памятника на две версии явилось следствием его предполагаемого уничтожения в 213 г. до н.э. и последующего восстановления в версиях «древних письмён» (*зу-вэнь*) и «современных письмён» (*цзинь-вэнь*), что стало причиной многочисленных канонических споров, ведущихся вплоть до настоящего времени. Результаты исследования проблемы разделения глав памятника на версии см. [19]. Автор данного перевода придерживается мнения о неаутентичности 25 глав версии *зу-вэнь*.

³ *Цзинь-зу-вэнь Шан-шу цюань-и* (Полный перевод «Шан-шу» в современных и древних письменах / Пер. и коммент. Цянь Цзун-у и Цзян Хао, сотрудников Янчжоуского ун-та, пров. Цзянсу). Гуйян, 1990. Впоследствии она была переиздана на Тайване: *Шан-шу*. Тайбэй, 1996; *Шан-шу цзинь-чжэу цзинь-и* («Шан-шу» с современным комментарием и в современном переводе / Коммент. и пер. тайваньского академика Цюй Вань-ли). Тайбэй, 2009; *Шан-шу и-чжэу* («Шан-шу» с переводом и комментарием / Пер. и коммент. Ли Миня, проф. Чжэнчжоуского ун-та пров. Хэнань; Ван Цзяня, зам. директора Ин-та истории Академии общественных наук пров. Цзянсу). Шанхай, 2000.

Литература

1. *Блинова Е.А.* «Юй гун» как пространственно-административная схема // 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае» (далее – НКОГК). М., 1991. Ч. 1. С. 59–63.
2. *Блинова Е.А.* Пространственно-землеустроительные структуры в текстах «Юй гун» и «Мин тан вэй» // 20-я НКОГК. М., 1989. Ч. 1. С. 155–160.
3. *Кейдун И.Б.* Классический конфуцианский трактат «Ли цзи» и китайский ритуал конца XVII – начала XX в. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. СПб., 2003.
4. *Кейдун И.Б.* Ритуальная атрибутика в древнем Китае (по материалам конфуцианского трактата *Ли цзи*) // 43-я НКОГК. М., 2013. Т. XLIII. Ч. 2. С. 29–33.
5. *Кейдун И.Б.* Текст «Ли цзи» как историко-культурный феномен китайской цивилизации // Слово. Вып. 8: Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе. Благовещенск, 2010.
6. *Кейдун И.Б.* Формирование текстов конфуцианского канона (на примере текста «Ли цзи» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010.
7. *Кобзев А.И.* «Да сюэ» («Великое учение»). Введ., пер. с кит. и коммент. // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М., 2004. С. 71–122.
8. Конфуцианский трактат «Чжун юн» / Пер. с кит. *Д. Конисси, В.Г. Бурова, А.Е. Лукьянова, В.Б. Югай*. Сост. *А.Е. Лукьянов*. М., 2003.
9. Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. *А.Е. Лукьянов*. М., 2003.
10. Конфуциева летопись «Чуньцю» («Вёсны и осени») / Пер. и примеч. *Н.И. Монастырёва*. Исслед. *Д.В. Деопика* и *А.М. Карапетьянца*. М., 1999.
11. *Крюков В.М.* Текст и ритуал. М., 2000.

- (11а. *Кучера С.* Древнекитайские тексты: *цзягувэнь* и «Шан-шу» – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь. Часть первая // Восток (Oriens), 2003, № 1. С. 42–52; 2004, № 2. С. 20–33; № 6. С. 17–31; 2005, № 6. С. 22–36. – *Отв. ред.*).
12. *Лисевич И.С.* «Шуцзин» // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 814, 815.
13. *Попова Г.С.* «Шуцзин» («Книга документов») как исторический источник: анализ датировок Чжоушу («Документы [периода] Чжоу») // История Китая. Материалы китаеведческой конференции ИСАА при МГУ (май 2004 г.). М., 2005. С. 83–91.
14. *Попова Г.С.* Введение в системное описание *Шуцзина* («Канона [исторических] документов») как исторического источника // 42-я НКОГК. М., 2012. Т. XLII. Ч. 1. С. 240–257.
15. *Попова Г.С.* Некоторые результаты сравнения текстов *Шуцзина* с эпиграфикой Западного Чжоу (1027–771 гг. до н.э.) // 42-я НКОГК. М., 2012. Ч. 3. С. 40–52.
16. *Попова Г.С.* Перевод, комментарий и исследование главы *Юйгун Шуцзина* // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И.Кобзева. М., 2014. С. 224–242.
17. *Попова Г.С.* Процесс формирования и особенности датировки мифологического слоя *Шуцзина* // 43-я НКОГК. М., 2013. Ч. 1. С. 382–392.
18. *Попова Г.С.* Специфика исследования *Шуцзина* в качестве исторического источника // Тезисы научной конференции «Лаборатория историка: источник и метод». М., 2012. С. 83–86.
19. *Попова Г.С.* *Шуцзин* во второй половине I тыс. до н.э.: передача текста и проблема разделения глав на версии *гувэнь* и *цзиньвэнь* // 44-я НКОГК. М., 2014. Ч. 1. С. 57–73.
20. *Попова Г.С.* Лексико-грамматические особенности *Шуцзина* // Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов научной конференции (Москва, 14 апреля, 2014 г.). М., 2014. С. 25–28.
21. *Трофимова Г.С. (Попова Г.С.)*. Сведения об уголовном законодательстве в «Шуцзине» в контексте истории китайского права // Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2002». Серия «Востоковедение, африканистика». М., 2002.
22. *Трофимова Г.С. (Попова Г.С.)*. Сравнительный анализ содержания «Шуцзина» и «Шицзи» // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2003». М., 2003. С. 29–34.
23. *Ульянов М.Ю.* Избранная библиография по истории Древнего Китая // Архив российской китаистики. Том 1. М., 2013. С. 551–580.
24. *Ульянов М.Ю.* «Историографья» *даши* в период Чуньцю // Восток–Запад. Историко-литературный альманах. 2011–2012. Под ред. акад. *В.С. Мясникова*. М., 2013.
25. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цюань 1. Пер. с кит., вступит. ст., коммент. и прил. *С. Кучеры*. М., 2010.

26. Чжао Нюлань. Историзация китайских мифов в «Шуцзине» // Научные труды. Вопросы языка и литературы. М., 1973.
27. Чжао Нюлань. К вопросу об одной главе «Шуцзина» «Юйгун» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов 7-й научной конференции. М., 1976. С. 96–97.
28. Чжао Нюлань. О главе «Дары Юя» («Юй гун») в «Книге преданий» («Шан-шу») // 11-я НКОГК. М., 1980. Ч. 1. С. 54–60.
29. Чжао Нюлань. Эпическая традиция в «Шуцзине» // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Тезисы докладов 9-й научной конференции. М., 1980. Ч. 2. С. 269.
30. Читая книгу: Древнекитайские тексты и перевод «Шан-шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., прим. и предисл. В.М. Майорова; послесл. В.М. Майорова и Л.В. Стеженской. М., 2014.
31. Чубенок Е.Н. К вопросу о содержании категории *ли* в конфуцианской культуре (на основании изучения классического трактата «Ли цзи») // Международный журнал экспериментального образования. 2011, № 8.
32. Чуньцю Цзочжуань: Комментарий Цзо к «Чуньцю» / Исследование, пер. с кит. гл. 1–5, коммент. и указат. М.Ю. Ульянова. М., 2011.